

ЭЛЕГИЯ НА НОЧНЫХ АККОРДАХ СЕВАНА

1.

Как янтарём налитая волна,
качается высокая луна...
Желаньями греша и наяву,
и этот новый грех переживу.

Посверкивая, точно в зеркалах,
луны ликует пламя на телах,
всё прежнее отбрасывает прочь
кипящая дыханьями ночь.

Былых любовей тусклые огни
не возродятся в будущие дни,
но заново из пены восстаю,
когда глубинам душу отдаю.

Ты – мой. А я – попробуй разбери.
Игрушка Бога? Чёрта содержанка?
Любовь моя – полынная обманка,
что сердце обжигает изнутри.

2.

Вобрав легенды старые дотла,
над нами небо звёздное летело.
Смеялся бес: «Зачем тебе крыла,
когда ладони обжигают тело?»

Дух первородный заново парил
ещё не различаемою тенью
и музыку чудесную творил
из нашего с тобой грехопаденья...

В легендах не отыщется концов
любви и смерти, правды и обмана
о том, куда доверчивых пловцов
влекут сирены моего Севана.

Но бес шептал: «Зачем тебе крыла?»
Горячей коже плоть была покорна,
и музыка любовная плыла
волною нот озёрного аккорда.

3.

В порывах плоти ходом бытия,
взлетая ввысь и опадая снова,
душа не насыщается моя,
кипящее расплёскивая слово.

Всё напоказ, наружу, что во мне:
бесовское – и ласковое, к Богу...

В дорогу вышел – так держи дорогу,
раскачиваясь, точно на волне.

Везде – не дома, сирота, извне,
а жизнь дурманной дрёмой притворилась...
Но чтоб она совсем не испарилась —
отдай живые семена весне.

Любви не умиляясь никогда,
смерть никого на свете не минует.

Когда падёт угасшая звезда —
её метеоритом именуют.

Элегия – к финалу не спеши...

Но, даже зная: всё живое тщетно,
порывистой мелодией души
я выйду на последнее крещендо.

Как будто птицы стали безголосыми,
округа полусонная молчит.
Иное здесь таится за кулисами,
инаковая музыка звучит.

Необратимым стиснута течением
душа моя, как полая вода.
Каким неодолимым попечением
ей суждено растаять без следа?

Бедою слова беззащитно существу
в бессмертии уверенности нет...
Я не узнаю, голосу зовущему
взлетала или падала в ответ.

В раскалённом мерцании мыслей, сходящих на нет,
от тоски по тебе в мельтешении дней пропадаю
и опять, погружаясь в калейдоскопический бред,
я судьбу, как Елена Троянская, переменяю.

Обнажённое тело бесстыдно среди темноты
жаждет губ остужающих, не помышляя о мере,
а душа в глубине поминает былые мечты,
потайное эхо поёт эпитафию вере.

Наши реки у самого берега – скоро впадут.
Наше время подтачивать скалы единым теченьем...
Жаль, идущие следом, наверное, не подадут
ни единого повода, чтобы вздохнуть с облегченьем.

Другой дороги нет и выхода иного:
спасения ища, цепляюсь за слова,
когда издалека видения былого,
сгущенные в крови, рождает голова.

Другой дороги нет, исхода нет иного:
какие бы любовь ни зачала плоды,
осеннею порой всё опадает снова,
а далее – зима, и на снегу следы...

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Отшумели дожди и слова,
хляби топких небес опустели.
Но ещё расцветает листва
на осеннем беспомощном теле.

С мокрой улицы наши следы
выметаются без похоронки...
Сколько пролито мною воды
на пожизненной односторонке!

Леденеющих рук не разнять,
поцелуй обращается в сушу.
Всем на свете готова раздать
невесомую чистую душу.

Сетку вен голубую – прошу.
Колыхание пламени – нате...
И вцепясь неотрывно, вишу
на опущенном свыше канате.

Когда среди заснеженной глуши
твое простое имя называют,
на глубине раздвоенной души
цветы надежды новой оживают.

Когда тоска-тревога настаёт
по древним дням твоим и переменам —
подобно кочкам клюквенных болот,
она цветёт опасливым кармином.

И об армянах долгий разговор
ведя со мною посреди Сибири,
не заглушит моё кедровый хор
излюбленное соло о Наири.

Пока берёзы соком по весне
меж небом и землёй неутолимы,
ты навсегда останешься во мне —
душа и плоть вовек неразделимы.

В круговороте вечном бытия
мы все плоты земные воедино.
Я – маленькая косточка твоя,
и ты – моя живая сердцевина.

Перевод с армянского Андрея Расторгуева